

А.И. Сильченко

Томский политехнический университет

**Способы выражения активности / инактивности имени
в готских текстах (на примере природных явлений)**

Аннотация: В статье рассматриваются способы выражения активности / инактивности имени в готском языке на примере явлений природы. Активность выражается по-разному. Во-первых, маркировкой. Активный падеж является маркированным членом оппозиции, в то время как инактивный падеж – немаркированным. Активный участник ситуации выражен одушевленным объектом, инактивный чаще всего представлен неодушевленным объектом. Активные / одушевленные имена имели консонантный основообразующий суффикс. Во-вторых, активные имена сочетались с активными глаголами, которые обозначали действия, движения, события, инактивные – состояния и свойства. В-третьих, активные существительные могли быть как субъектом, так и объектом активного действия.

Different ways of expressing activity / inactivity of a noun are shown in the article. Activity is expressed by various means. Firstly, marking plays a key role. The active case is a marked member of the opposition, the inactive case – unmarked. Active / animate nouns are usually marked by consonantal stem-building suffixes. The active participant of a situation is expressed by an animate referent, whereas the inactive participant is more often expressed by an inanimate one; active/animate nouns are usually marked by consonantal stem-building suffixes. Secondly, active nouns are used with active verbs which denote actions, motions, events, while stative verbs denote states and qualities. Thirdly, active nouns can be used both as the subject and the object of the active construction.

Ключевые слова: архитектоника, партитура текста, метафора композиции, православная картина мира, мифологическая картина мира.

Активность / инактивность, маркировка, основообразующий суффиксы, субъект / объект.

УДК: 811.11-112.

Контактная информация: Томск, пр. Ленина 30. ТПУ, кафедра европейских языков. Тел. (3842) (3822) 563817. E-mail: ankasai@rambler.ru.

В настоящее время большинство ученых сходятся во мнении, что общеиндоевропейский относился к языкам активного строя и в древних индоевропейских языках мы можем обнаружить реминисценции этого строя. Активный строй языка характеризуется следующей совокупностью признаков. Во-первых, одной из важнейших особенностей является принцип лексикализации глагольных основ по признаку активности ~ инактивности, в том понимании этого противопоставления, которое очень часто приближается к оппозиции одушевленного и неодушевленного действия. Активные глаголы передают различные действия, движения, события, производимые денотатами активного класса. Стативные глаголы обозначают состояние, свойство или качество, преимущественно соотносящееся с денотатами субстантивов инактивного класса (однако, эти глаголы могут упот-

ребляться и при подлежащем, которое передается именами активного класса) [Климов, 1977, с. 83–86].

Следующие готские примеры демонстрируют, что слова для обозначения природных явлений сочетаются с активными глаголами, которые свойственны обычным живым существам:

- jah warþ skura windis mikila jah wegōs waltidedun in skip (Mrk 4,37 CA) – «и стала / разразилась буря великая и волны бросились / ударились о корабль»;
- jah winds jah marei ufhausjand imma (Mrk 4,41 CA) – «...и ветер, и море повинуются / служат ему»;
- jah urreisands gasok winda jah qab du marein gaslawai, afdumbn! jah anasilaida sa winds jah warþ wis mikil. (Mrk 4,39 CA) – «и вставая, сделал упрек / поругался на ветер, и сказал морю: “Молчи”. И успокоился ветер, и стал морской штиль великий»;
- jah atiddja dalab rign jah gemun ahvos jah waiwoun windos jah bistuggun bi þamma razna jainamma ... (Mat 7,25; Mat 7,27 CA) – «и пришел тогда дождь, и пришли реки, и дули ветра, и ходили вокруг того дома...».

Во-вторых, в активном строе наблюдается бинарное распределение всех имен существительных на класс активных и класс неактивных, отражающее по своему составу различие по признаку наличия или отсутствия у них жизненной активности, жизненного цикла. Лексическое противопоставление в структуре самих имен не получает специального формального выражения. Но это очень отчетливо отражается как в синтаксической, так и морфологической структуре активных языков [Климов, 1977, с. 83–86]. Морфологический уровень является наиболее консервативным уровнем языка, поэтому элементы предшествовавшего типологического состояния особенно устойчивыми оказываются именно в морфологической системе [Там же, с. 69–70].

В литературе уже давно сложилось мнение, что в раннем индоевропейском было два падежа: активный и неактивный. Функция активного падежа состоит в оформлении подлежащего при активном глаголе-сказуемом, функция неактивного – в оформлении подлежащего при стативном глаголе-сказуемом, а также дополнений. Активный падеж противопоставляется в плане выражения неактивному как маркированный член оппозиции немаркированному [Климов, 1973, с. 224–225; 1977, с. 259–160]. Существует мнение, что склонение зародилось у имен активного, одушевленного класса [Тронский, 1967, с. 92]. Маркерами активности (одушевленности) в имени могли быть основообразующие форманты. Но «действия» такой маркировки относились к очень далекому прошлому, возможно, к индоевропейской общности, поскольку основообразующие форманты сохраняются во всех ветвях индоевропейских языков [Осипова, 2007, с. 21].

Основообразующие форманты широко представлены и в древнегерманских языках, т.е. их употребление было унаследовано от общегерманского языка, который, очевидно, существовал как единый диалект. О.А. Осипова предполагает, что в общегерманском консонантные основообразующие форманты использовались для выделения имен активного (одушевленного) класса, а два типа склонений (на согласные и гласные основы) какой-то период принимали участие в бинарном противопоставлении имен по признаку активности (одушевленности) / неактивности (неодушевленности) [Там же, с. 22]. Консонантные основообразующие суффиксы служили в индоевропейских и в древнегерманских языках, в частности, маркерами одушевленности. Выражение значения одушевленности / активности консонантными основообразующими формантами было свойственно определенному классу субстантивов, обладающих активной семантикой. К таким именам относятся существительные, подразделяющиеся на несколько лексико-семантических групп: отношение родства; положение, профессия людей; животные; части тела человека и животных; растения и их части; реалии, сопутствующие

щие человеку или животным; космические объекты и природные явления [Осипова, 1990, с. 153].

Многие явления природы в готском оформлены консонантным склонением, например: **wato** «вода» (-n-), **marei** «море» (-n-), **heito** «жар, лихорадка» (-n-), **beihvo** «гром» (-n-). Во всех этих словах консонантный основообразующий суффикс -n- указывает на активную семантику данных имен. Однако многие слова этой группы относятся к гласному склонению. В этом случае обращение к этимологическому анализу позволяет показать, что в прошлом данные явления также были активными. Например, в готском слове *winds* «ветер» имеется основообразующий суффикс причастия настоящего времени -nd, характерный для активных / одушевленных явлений. В слове *stain* «камень» в им. п. мн. ч. встречается окончание -os, которое было признаком сильного склонения. Впоследствии эти слова переходят в гласное склонение, что связано с потерей одушевленной / активной семантики.

С.Д. Канцельсон характеризует понятие активности следующим образом: «Под активностью мы здесь понимаем способность людей и животных активно перемещаться в пространстве, либо еще их способностью воздействовать на другие объекты, в том числе на людей и животных... Сферой действия принципа активности являются не только предикаты активного движения и собственно переходные предикаты. К собственно переходным мы относим предикаты, выражающие воздействие одушевленных предметов на другие объекты... Одушевленный предикандум при таком предикате окажется тогда единственным предикандумом, способным занять позицию субъекта» [Канцельсон, 1972, с. 192].

Как уже было сказано выше, противопоставление существительных по признаку активности / инактивности отражается и в синтаксической структуре активных языков [Климов, 1977, с. 83–86]. Реализация признаков активности ~ инактивности зависит от положения предмета при совершающемся действии. Активность проявляется тогда, когда предмет оказывает какое-либо воздействие на другой предмет, т.е. когда он выступает субъектом активного действия. Таким образом, восприятие предметов как активных связано с их способностью оказывать какое-либо воздействие на другой предмет. Восприятие предметов как инактивных обусловлено их неспособностью оказывать воздействие на другой предмет и неспособностью занимать позицию субъекта активного действия. Из этого следует, что в зависимости от способности занимать положение субъекта активного действия, все предметы делятся на два класса. Первый класс составляют предметы, которые могут быть и субъектами, и объектами активного действия. Второй класс включает в себя предметы, которые не могут быть субъектами активного действия. Выделение этих двух классов предметов связано с наличием двух типов действий: 1) действия, представляющие собой то или иное воздействие на предмет (активные действия), и 2) действия, не являющиеся воздействием на предмет (инактивные действия). Активное действие не только распространяется на предмет, но и является воздействием на него. Инактивное действие также может распространяться на предмет, но оно не является при этом воздействием. Сравним, например, *человек кладет камень, камень убивает человека, молния зажигает дерево* – активные действия; *человек сохраняет мужество, древесина сохраняет твердость* – инактивные действия с объектом; *человек лежит, древесина лежит* – инактивные действия без объекта. При глаголе, обозначающем активное действие, имена предметов 1-го класса могут быть и субъектами, и объектами; имена предметов 2-го класса могут занимать только позицию объекта. Любой предмет первого класса может быть воспринят как одушевленный, а действие, совершаемое им, – как разумное и целенаправленное [Маньков, 2004, с. 81]. Рассмотрим несколько примеров из готской библии:

• *jah andhafjands qab du im: qiba izwis patei jabai bai slawand, stainos* (мн. ч., им.п., м.р., -a-; субъект активного действия) **hropjand**. (Luk 19,40 CA) – «и отве-

чающий сказал ему: “говорю вам, что если эти молчат, то камни пронзительно кричат / визжат”»;

- banuh nemun stainans (мн. ч., вин. п., м.р., -а-; объект активного действия), ei waurpeina ana ina. (Joh 8,59 CA) – «тогда они взяли камни, чтобы бросить в него»;

- jah ohtedun sis agis mikil jah qebun du sis misso: hvas pannu sa sijai, unte jah winds (ед.ч., им.п., м.р., -а-; субъект активного действия) jah marei (ед.ч., им.п., ж.р., -н-; субъект активного действия) ufhausjand imma. (Mrk 4,41 CA) – «...каков тот, кому и ветер, и море повинуются / служат»;

- jah urteisands gasok winda (ед.ч., дат.п., м.р., -а-; объект активного действия) jah qap du marein (ед.ч., дат.п., ж.р., -н-; объект активного действия) gaslawai, afdumbn! jah anasilaida sa winds (ед.ч., им.п., м.р., -а-; субъект активного действия) jah warp wis (ед.ч., им.п., м.р., -а-; субъект активного действия) mikil. (Mrk 4,39 CA) – «и вставая, сделал упрек / поругался на ветер, и сказал морю: “Помолчи”. И успокоился этот ветер, и стал морской штиль великий»;

- jah atiddja dalab rign (ед.ч., им.п., ср.р., -а-; субъект активного действия) jah gemun ahvos (мн.ч., им.п., ж.р., -ō-; субъект активного действия) jah waiwoun windos (мн.ч., им.п., м.р., -а-; субъект активного действия) jah bistuggun bi pamma razna jainamma... (Mat 7, 25; Mat 7, 27 CA) – «и пришел тогда дождь, и пришли реки, и веял / дул ветер, и ходил вокруг того дома...»;

- ei jah windam (мн.ч., дат.п., м.р., -а-; объект активного действия) faurbiudib jah watnam (ед.ч., дат.п., ср.р., -н-; объект активного действия) jah ufhausjand imma (Luk 8,25 CA) – «... что и ветрами, и водой командует, и они подчиняются ему».

Анализ предложений показывает, что слова лексико-семантической группы, в которую входят природные явления, могут выступать и в качестве субъекта, и в качестве объекта активного действия. Следовательно, они воспринимались древними германцами как активные / одушевленные.

Древние индоевропейцы одушевляли и персонифицировали гораздо больше явлений природы. Многим силам природы первобытные люди приписывали магические свойства: дождю, молнии, грому и т.д. По их мнению, даже «скалы и утесы, положение и форма которых поражает воображение первобытных людей, легко принимают священный характер в силу мистических свойств, которые им приписываются. Такая же мистическая способность признается за реками, облаками, ветрами. Части света и пространства также имеют свое мистическое значение» [Леви-Брюль, 1930, с. 22–23]. Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Ив. Иванов считают, что к активным (одушевленным) именам древние индоевропейцы относили не только людей, растения и животных. «Помимо имен с естественно-активными денотатами к активному классу относятся, очевидно, и такие “неодушевленные” объекты, которые мыслятся носителями языка как выразители активного начала, наделенные способностью к активной деятельности. К таким именам, относимым к активному классу, принадлежат названия подвижных или наделенных способностью к активной деятельности частей человеческого тела: рука, нога, глаз, зуб и другие, а также названия персонифицированных, активно мыслимых явлений природы и абстрактных понятий: ветер, гроза, молния, осень, вода, река, рок, судьба, доля, благо и др.» [Гамкрелидзе, Иванов 1984, ч. I, с. 274].

Установление причины восприятия одних предметов одушевленными, других неодушевленными связано с реконструкцией некоторых аспектов протокультуры. Данные лингвистической реконструкции могут быть использованы для восстановления определенных аспектов мировосприятия. В данном случае лингвистический материал должен дополняться материалом мифологии, истории, этнографии. В основе мифологии лежит одушевление природы. «Любое активное действие, производимое предметом, кажется целенаправленным, а сам предмет пред-

ставляется разумным и одушевленным и этими качествами подобным человеку. Одушевление в данном случае представляет собой не метафору, а является отношением к вещи как одушевленной, живой в буквальном смысле» [Маньков, 2004, с. 81–82].

Итак, можно сделать заключение о том, что готский язык сохранил реликты активного строя, и явления природы относились к активным, действующим силам, они одушевлялись и персонифицировались древними германцами. Подобные выводы вытекают из следующей совокупности фактов. Во-первых, все слова согласуются с активными глаголами, которые характерны для одушевленных имен. Во-вторых, можно видеть, что слова данной лексико-семантической группы могут выступать как в функции субъекта, так и объекта активного действия. В-третьих, хотя многие явления природы оформлены гласным склонением, они фактически употребляются как активные. Есть все основания предполагать, что многие из них относились когда-то к сильному склонению. Мы видим, что активность проявлялась и в маркировке, и в сочетании глагола с существительным, и в положении существительного в предложении.

Литература

- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: В 2 ч. Тбилиси, 1984.
- Гухман М.М. Готский язык. М., 2008.
- Канцельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Климов Г.А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
- Климов Г.А. Типология языков активного строя. М., 1977.
- Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999.
- Маньков А.Е. Происхождение категории рода в индоевропейских языках // Вопросы языкознания. 2004. № 5. С. 79–92.
- Осипова О.А. Типология древнегерманских именных склонений в свете индоевропейских и уральских языков. Томск, 2007.
- Осипова О.А. Функциональная вариативность древнегерманских консонантных основообразующих формантов // Языки мира. Проблемы языковой вариативности. М., 1990. С. 153–171.
- Тронский И.М. О доминативном прошлом индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967. С. 91–94.
- Skeat W.W. A Mæso-Gothic Glossary // With an Introduction? An Outline of Mæso-Gothic Grammar and Old and Modern English Words Etymologically Connected with Mæso-Gothic. L.; Berlin, 1868.
- Streitberg W. Die Gotische Bibel. Heidelberg, 1910.
- Uhlenbeck C.C. Kurzgefasstes Etymologisches Wörterbuch des Gotischen Sprache. Amsterdam, 1896.
- The Gothic Bible. Based on the edition of Wilhelm Streitberg (1919) [Эл. ресурс]. Режим доступа: www.wulfila.be.